

ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ЯВЛЕНИЙ

МАКРОПСИХОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Под редакцией
А.Л. Журавлева, А.В. Юревича

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Психология социальных явлений

Коллектив авторов

**Макропсихология современного
российского общества**

«Когито-Центр»

2009

УДК 159.9
ББК 88

Коллектив авторов

Макропсихология современного российского общества /
Коллектив авторов — «Когито-Центр», 2009 — (Психология
социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0150-7

В коллективной монографии представлена попытка заложить основы новой области психологического знания - макропсихологии, представляющей собой психологическое изучение социальных процессов, соразмерных обществу в целом. В фокусе внимания авторов находятся макропсихологические проблемы современного российского общества. В книге представлены количественный подход к оценке его макропсихологического состояния, психологический анализ этнических групп, культурной травмы, вызванной реформами, нравственных идеалов и ценностных ориентации, революций. Рассмотрено место психологической науки и практики в современном, в том числе в российском обществе.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0150-7

© Коллектив авторов, 2009
© Когито-Центр, 2009

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1	8
ПЕРСПЕКТИВНАЯ ДИСЦИПЛИНА	8
СОЦИАЛЬНАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПСИХОЛОГИИ	10
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПСИХОЛОГИИ	13
КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК	17
Глава 2	20
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Макропсихология современного российского общества

ВВЕДЕНИЕ

«Все новое – это хорошо забытое старое» – одна из самых непоколебимых истин, прошедших проверку временем и своеобразием культур, открывших ее независимо друг от друга. В современном мире практически невозможно придумать что-либо принципиально новое, не имеющее каких-либо аналогов в прошлом. И вполне оправданно, хотя и не лишено некоторой парадоксальности, обычно предъявляемое к новым идеям требование *быть вписанными в традиции*, по сути означающее необходимость демонстрации того, что новые идеи на самом деле далеко не новы.

Предлагаемый в этой книге макропсихологический подход – это если не хорошо забытое, то, по крайней мере, несколько подзабытое старое. Авторы определяют его как психологическое изучение социальных процессов, соразмерных *обществу в целом*, а не более традиционным для психологии уровням отдельных психических процессов, личности, малой и большой группы, хотя разделять эти уровни можно лишь в абстракции, а противопоставлять друг другу не следует даже в абстракции, поскольку относящееся к обществу всегда неизбежно касается входящих в его состав личностей и групп. Труды основателей как социальной психологии, так и психологической науки в целом – «Психология народов и масс» Г. Лебона, «Проблемы психологии народов» В. Вундта и др. – были посвящены именно таким, макропсихологическим, сюжетам. Однако впоследствии предмет этой науки заметно «измельчал», что было обусловлено внутренней логикой ее развития, в частности ее многолетней ориентацией на *естественнонаучное* исследование, которому проще подвергать отдельные психические процессы, нежели общество. В результате в современной психологии можно выделить 4 основных уровня изучения ее предмета: 1) уровень отдельных психических процессов (память, внимание, мышление и др.), 2) уровень целостной личности, 3) уровень малой группы, 4) уровень большой группы. Несколько огрубляя реальную картину, можно констатировать, что психологическая наука в основном «заканчивается» на уровне большой группы, а более глобальные уровни социального, изучаемые такими науками, как экономика, социология, политология, хотя и не являются для психологии совсем уж запредельными «территориями», но пока не получили пропорционального отображения в ее предмете.

В то же время, как хорошо известно из истории науки, общая траектория развития любой научной дисциплины предопределена не только внутренней логикой ее развития и общими закономерностями эволюции науки, но и рядом внешних по отношению к ней обстоятельств, среди которых одну из главных ролей играет *социальный заказ*. Современная психологическая наука по ряду причин недостаточно чувствительна к социальному заказу, предъявляемому ей обществом, и находит его преимущественно в так называемых «малых делах» (термин весьма условен, ибо многие из них по своей значимости сопоставимы с «большими делами»). Численность психологов-практиков в нашей стране стремительно нарастает, хотя их количество, производное как от общей психологической культуры населения, так и от ее важнейшей составляющей – культуры взаимодействия общества с психологами, пока еще отстает от развитых стран. Основными «экологическими нишами» психологов в нашем обществе являются система образования, отбор (рекрутинг), оценка (ассесс мент) и обучение персонала для различных организаций, политические кампании, решение психологических проблем населения и др. Во всех

этих качествах психологи достаточно активны и заметны, а отмечаемый многими аналитиками «практический крен» психологии, ее превращение, говоря словами Г. Башляра, из «салонной науки в массовую практику», отчетливо выражен и в нашей стране.

Однако, как будет показано в этой книге, практическая активность и результативность психологии не эквивалентны ее *социальной релевантности*, к которой призывал С. Московичи. Социальная релевантность психологии предполагает ее активное участие не только в «малых», но и в «больших делах», таких как оценка общего состояния нашего общества и путей, которыми оно движется, выработка программ его развития и т. п. На этом макросоциальном поле отечественные психологи куда менее активны и заметны, чем в весьма важных, но далеко не исчерпывающих их возможностей «малых делах». В результате наше общество страдает «экономическим детерминизмом» – сведением социума к его экономике, важной, но далеко не единственной составляющей, а наши нескончаемые реформы, как правило, выглядят безграмотными в психологическом отношении и имеют стандартный результат, выражаемый формулой «опять забыли про человека». Эта ситуация расширяет социальный заказ психологии, побуждая ее обратиться в качестве объекта изучения и к нашему обществу в целом, к его макропсихологическим проблемам, а также к другой составляющей объекта макропсихологии – к таким важнейшим проблемам современного российского общества, как его криминализация, терроризм, разрушение морали и т. п., которые, не являясь чисто психологическими, имеют и ярко выраженные психологические аспекты.

Внутренняя логика развития психологической науки тоже порождает настоятельную необходимость расширения ее объекта до уровня макропсихологии. Этот уровень, в частности, открывает перспективы реализации ее давней мечты – превращения в точную науку, которое традиционно ассоциируется для психологии с копированием методологии *естественных наук*. Это многолетнее копирование породило квазиестественнонаучную парадигму в психологии, лишь имитирующую – путем соблюдения позитивистских ритуалов использования количественных данных и т. п. – исследовательские стандарты естествознания, но в действительности имеющую с ним мало общего. Движение по пути провозглашения недостижимых стандартов породило у психологической науки ощущение перманентного кризиса (как может быть иначе, если провозглашаемые цели заведомо недостижимы?), а также ее «вечный раскол» на естественнонаучную и гуманитарную парадигмы.

Однако ориентация на естественнонаучные дисциплины – не единственный для психологии способ превращения в точную науку. Куда более реалистичные перспективы в этом плане открывает для нее ориентация на более близкую психологии научную дисциплину – экономику, не являющуюся естественнонаучной дисциплиной, но при этом превратившуюся в точную науку. Вопреки расхожей формуле, наука становится точной не тогда, когда она начинает пользоваться математикой, т. е. обнаруживает способность «что-нибудь подсчитать» (считать люди умели задолго до появления точной и вообще какой-либо науки), а лишь тогда, когда она начинает выявлять *количественные закономерности*. Экономика давно достигла этого уровня развития, а характерный для нее способ установления количественных закономерностей куда ближе и доступнее для психологии, чем методология естественных наук. Соответствующие перспективы, открывающие для психологии путь в точные науки, наиболее явственно пропускают для психологии на том же – макросоциальном – уровне анализа и могут быть реализованы в первую очередь именно макропсихологией. В результате развитие этого направления исследований приобретает для психологии актуальность и в плане решения ее «вечных» методологических проблем.

Наконец, существует обстоятельство не внутреннего или внешнего, а одновременно и внутреннего, и внешнего по отношению к психологической науке характера, содействующее развитию макропсихологии и повышающее актуальность макропсихологических исследований. Это обстоятельство связано с нынешним состоянием нашего общества, продолжающего

переживать тяжелый психологический кризис. Вообще следует отметить, что, несмотря на расхожие и явно упрощенные стереотипы, например на представление о том, что всем без исключения наукам «хорошо» при демократии и «плохо» при тоталитаризме, внешних социальных условий, оптимальных для всех наук, не существует: для разных научных дисциплин оптимальны различные условия. В частности, науковедами давно подмечено, что если науки о человеке лучше всего себя чувствуют во времена социального «застоя», когда в обществе ничего существенного не происходит, внешний социальный контекст развития науки как бы «заморожен», и человек обращается к познанию самого себя, то науки об обществе приобретают наиболее сильный стимул к развитию во времена крутых социальных разломов, порождающих острую потребность в их научном осмыслении. Радикальные реформы нашего общества стимулировали развитие таких наук, как экономика, политология и социология, что выразилось в стремительном разрастании их количественных параметров, таких как численность исследователей, исследовательских центров, аспирантов, докторантов, защищаемых диссертационных работ и др. Макропсихология, как наиболее «социальное» крыло психологической науки, тоже ощущает на себе это состояние нашего общества. Его общее психологическое состояние, а также целый ряд его предельно обострившихся социальных проблем, таких как запредельное имущественное расслоение, острейшая социальная несправедливость, криминализация, деградация морали, этнические конфликты, настоятельно требуют психологического изучения. Все это создает повышенный спрос на макропсихологические исследования, стимулирующий развитие данного направления психологической науки.

Настоящая книга является лишь первым шагом на данном пути, точнее, как было сказано выше, возобновлением движения по пути, намеченному на заре развития психологии, но затем преданному незаслуженному забвению. Естественно, она не претендует на охват всех потенциальных макропсихологических сюжетов, область которых практически неисчерпаема, как практически неисчерпаемо в любом современном обществе множество его психологических проблем. Основными макропсихологическими сюжетами, рассматриваемыми в этой книге, являются общее место психологической науки и практики в современном российском обществе; психология этнических групп; динамика ценностных ориентаций наших сограждан; изменение их социальных представлений в условиях социокультурной травмы, вызванной реформами; макропсихологическое состояние современного российского общества; психологические факторы революций. Именно этим проблемам посвящены основные разделы книги, являющейся по своему жанру коллективной монографией. Все ее главы подготовлены сотрудниками Института психологии РАН: главы 1, 6 и 7 – А. В. Юревичем, глава 2 – Е. Н. Резниковым, глава 3 – Т. П. Емельяновой, глава 4 – М. И. Воловиковой, глава 5 – Н. А. Журавлевой. Хочется надеяться, что этот коллективный труд не останется незамеченным в нашем психологическом сообществе и разбудит интерес к макропсихологическим исследованиям.

Глава 1

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ НИША ПСИХОЛОГИИ

ПЕРСПЕКТИВНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Наступившее столетие на Западе, как правило, воспринимается как «век биологии», для чего имеются веские основания: перспективы, открываемые геной инженерией; огромный социальный резонанс клонирования; лидерство биологии и медицины по такому параметру общественного интереса к различным наукам, как время, уделяемое им западными СМИ (Филатов, 1993), и другие подобные обстоятельства.

Трудно предсказать, каким будет наступивший век для нашей страны, где, как известно, «даже прошлое непредсказуемо». Еще труднее прогнозировать, веком какой науки он будет для нее и сохранится ли у нас вообще наука. Но начался он в России, вопреки мировым тенденциям, не как век биологии, а как век социогуманитарной науки, о чем свидетельствуют разнообразные, но тесно связанные между собой показатели.

Именно в сфере социогуманитарных наук наблюдаются наиболее высокие темпы роста количества исследовательских центров и общей численности специалистов. За последние годы возникло более 100 новых социологических центров (см.: Юревич, Цапенко, 2001) и более 300 политологических, причем с денежным оборотом порядка 3–4 млн долл. в год (Цепляев, Пивоварова, 2002). Общее количество аспирантов и докторантов в политологии возросло в 3 раза, в экономике – в 2,5 раза (Шиянова, 2001). Категория «новых русских ученых», имеющих доходы свыше 1000 дол. в месяц, тоже формируется в основном за счет представителей социогуманитарных дисциплин (Юревич, 2003).

Подобные тенденции проявляются и в сфере высшего образования. Стоимость платного обучения наиболее высока на политологических и экономических факультетах социогуманитарных вузов (МГИМО, ВШЭ и др.). 75 % новых учебных курсов относится к менеджменту, экономике и юриспруденции. 97 % негосударственных вузов, ориентирующихся в своей деятельности на рыночные принципы, заняты предоставлением услуг в сфере социогуманитарного образования (Дежина, 1999). Наши технические вузы, на заре реформ переименовавшиеся в университеты, выживают тоже в основном за счет открытия гуманитарных факультетов. Да и по таким специфическим российским критериям, как стоимость услуг репетиторов и размер взяток при поступлении вузы, социогуманитарные вузы и факультеты находятся вне конкуренции (Юревич, 2004).

Аналогичные тенденции наблюдаются и в массовом сознании. Звучат утверждения о том, что именно «гуманитарное образование становится производительной силой общества» (Степин, 1996, с. 88), а наши СМИ политологов и экономистов явно предпочитают представителям естественных и технических наук. Как пишет В. П. Филатов, «сейчас на общественной трибуне тон задают экономисты и политологи» (Филатов, 1993, с. 95), которые не сходят с экранов телевизоров, в то время как, скажем, физика на нашем телевидении можно увидеть очень редко, да и то лишь в том случае, если он получит Нобелевскую премию.

Все это позволяет констатировать изменение общей траектории развития отечественной науки, ее переключение с прежней – «космической» на новую – «политическую» траекторию. Если основными признаками «космической» служили, во-первых, явный приоритет естественных наук над социогуманитарными, во-вторых, главенство физики в «семействе» естественно-научных дисциплин, в-третьих, преобладание оборонно ориентированных космических иссле-

дований (на долю которых приходилось до 80 % общих расходов СССР на науку) среди всех прочих проблем, изучаемых физикой, то главными атрибутами «политической» являются, во-первых, приоритет социогуманитарных наук над естественными и техническими, во-вторых, доминирование политически релевантных дисциплин в системе социогуманитарного знания, в-третьих, их ориентация на разработку прикладных технологий, а не на собственно научную проблематику (Юревич, 1999).

На фоне описанных тенденций психологическая наука оказалась в неоднозначном положении. С одной стороны, в нашей стране существует большой спрос на психологическое знание и его практическое применение, психологи уверенно обосновались в банках, кадровых агентствах и в других видах коммерческих структур, консультируют бизнесменов и политиков, участвуют в подготовке и проведении избирательных кампаний, с другой – они куда менее заметны в нашей общественной жизни, чем экономисты, политологи и правоведы, а в рядах «видимых ученых» (Филатов, 1993) намного менее «видны», нежели представители этих дисциплин. Симптоматичны и данные опроса, который продемонстрировал, что наши студенты делят социогуманитарные науки на три категории, относя к числу «дисциплин-лидеров» экономику и право(ведение), к «перспективным дисциплинам» – «специальностям будущего» – социологию, психологию, политологию и международные отношения, к «дисциплинам-аутсайдерам» – историю, филологию, философию, культурологию и педагогику (Белов, Плотникова, 2001). Т. е. психология находится среди «перспективных» дисциплин, но не среди «лидеров»¹, что характеризует ее нынешнее место в иерархии социогуманитарных наук, сложившейся в нашем обществе, и вообще ее положение в этом обществе.

---

¹ Аналогичная стратификация может быть прослежена по такому параметру, как количество учебников и учебных пособий, изданных по социогуманитарным предметам. Больше всего таких изданий относится к правоведению (с 1990 по 2000 гг. – 455 учебников и 488 учебных пособий) и экономике (соответственно 153 и 321). В области психологии за эти годы было издано 64 учебника и 109 учебных пособий (Нефедова, Пахомов, Розин, 2001).

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПСИХОЛОГИИ

Социальная ниша психологии в нашем обществе определяется тем, что психологи активно участвуют в «малых делах», занимаясь отбором и обучением персонала, психотренингом, психоаналитической работой с клиентами, консультированием бизнесменов и политиков, «большие» же дела, такие как выработка программ нашего экономического и социально-политического развития, вершат в основном экономисты, правоведы и политологи.

Наиболее комфортное для психологов объяснение данной ситуации могло бы состоять в том, что, хотя они способны на многое, в том числе и на участие в «больших делах», к решению глобальных социальных проблем их не привлекают – в силу того, что власти придерживающиеся плохо представляют себе возможности психологии и часто вообще не знают о существовании такой науки. Кроме того, в современном обществе, где сложился «культ экспертов» (Макарычев, 1997) и соответствующих видов деятельности, существует и такой феномен, как «клики экспертов» (там же), которые конкурируют за влияние на власть и за соответствующие финансовые потоки. Эти «клики» организованы по дисциплинарному принципу, а экономисты, правоведы и политологи, оказывающие влияние на власть и выступающие в роли экспертов, очень неохотно пускают в свои ряды «чужаков», в том числе и психологов, а если и пускают, то стремятся строго ограничить круг их компетентности. Но все же в данной ситуации, как и во всех прочих, не только спрос рождает предложение, но и предложение влияет на спрос, и многое определяется тем, что психологи способны предложить нашему обществу. А предлагаемые ими услуги в основном ограничены частными и локальными задачами.

Оценивая социальную нишу психологии в нашем обществе, можно прибегнуть и к системе рассуждений в рамках известной логики, согласно которой экономика – это базис общества, политика – «концентрированное выражение» этого базиса, а психология – один из элементов надстройки над ним, и, соответственно, психологическая наука относится к числу не «базисных», а «надстроечных» дисциплин, менее значима для общества, чем экономика или политология, и может претендовать лишь на весьма скромную роль. Вместе с тем из уст отечественных обществоведов нередко можно услышать утверждение о том, что основные проблемы современного российского общества – именно психологические, связанные с особенностями российского менталитета, в силу которых даже наиболее прогрессивные политические и экономические формы наполняются у нас специфическим содержанием, принося, мягко говоря, неожиданные результаты. В силу этого, а также ряда других обстоятельств, психологической науке иногда отводится и куда более заметная роль, в том числе и «ядра» всей системы социогуманитарного познания, и звучат прогнозы о том, что XXI в. станет «веком психологии» (Андреева, 2005б).

Сама психологическая наука тоже вряд ли согласится на статус «надстроечной» дисциплины. И дело даже не столько в ее амбициях и несколько уничижительном статусе «надстроечной» науки, сколько в *гносеологических основаниях* психологического знания. Общеизвестно, что все психологические теории, да и более локальные системы психологического знания, имеют явную или имплицитную предпосылочную основу, сформированную общими представлениями о природе человека и общества. Как отмечает Дж. Израэль, существуют три типа общих положений, цементирующих основания любой социальной науки: 1) понимание природы человека², 2) понимание природы общества, 3) понимание природы взаимоотношений между человеком и обществом (Israel, 1972). Соответствующие представления включают,

---

² Л. Хьелл и Д. Зиглер, анализируя психологические теории личности, подчеркивают: «Все мыслящие люди имеют определенные аксиоматические представления относительно человеческой природы. Теоретики личности не составляют исключения из этого правила» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 40), – и выделяют 9 полярных оппозиций, выражающих эти представления: свобода–детерминизм, рациональность–иррациональность и др.

в той или иной форме, и ответ на вопрос о *ключевом векторе детерминации* в системе человек–общество. Ряд психологических теорий, например концепция интериоризации высших психических функций, исходит из примата общества над человеком. Но большая их часть, например психоанализ, имплицитно постулируют обратное направление детерминации, трактуют социальные институты как «выражение» человеческой психологии или механизмы контроля над ним³, а социальный порядок «выводится» ими из природы человека (Кули, 2005; и др.). В психологических программах «улучшения» общества и человека на первом месте тоже, как правило, стоит человек. «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», – писал А. Маслоу (цит. по: Хьелл, Зиглер, 1997, с. 521). Аналогичные идеи высказывались З. Фрейдом, Э. Фроммом и другими классиками психологии.

Не задаваясь вопросом о том, какое из представлений об основном векторе детерминации в системе человек – общество более «правильное», а тем более «единственно правильное», напоминающим вопрос о первичности яйца или курицы и особенно нелепым в современной постнеклассической (Степин, 2000) науке, все же следует отметить, что каждая социогуманитарная дисциплина выстраивает в этой системе иерархическую вертикаль, а вертикаль, характерная для психологии, оборачивает традиционные представления о базисе и надстройке. Согласно иерархии реальных, доминирующей в психологической науке, базисом является психология человека, а надстройкой – происходящее в обществе, что эквивалентно отнесению психологии к «базисным», а не «надстроечным» социогуманитарным дисциплинам.

В общем, у психологии есть весомые основания посетовать на то, что социальная ниша, занимаемая ею в нашем обществе, хотя и удобна во многих отношениях, но не отвечает ее истинным возможностям, и эта наука может дать обществу куда больше, нежели дает.

С. Московичи, с именем которого принято связывать тезис о том, что психология должна быть *социально релевантной* наукой, понимал под ее социальной релевантностью гораздо большее, нежели ее *практическая релевантность*, и даже большее, чем, скажем, превращение психоанализа в своего рода «практическую религию» западного общества (Беккер, Босков, 1961). Социальную релевантность психологии он отождествлял с ее активным участием в решении важнейших социальных проблем, таких как социальное неравенство, политическое насилие, войны, расовые конфликты, а также выполнение ею *мировоззренческой функции* – выработку и трансляцию в массовое сознание общего образа общества и происходящего в нем (Moscovici, 1972), т. е. участие психологии в «больших делах».

Соотношение практической и социальной релевантности психологии требует уточнения. По словам Г. Башляра, «психология давно перестала быть салонной наукой и превратилась в практику, которой занимаются все» (цит. по: Визгин, 1990, с. 42), в том числе и в нашей стране, где в газетах можно встретить объявления типа «Требуется психолог до 35 лет. Психологическое образование необязательно». В нашей системе образования сейчас задействовано 64 тыс. психологов, в стране действует 700 психолого-медико-социальных центров, при этом численность психологов быстро растет вследствие того, что только в Москве их готовят более 70 вузов. Психологи активно занимаются практикой: рекламой, имиджмейкерством, организацией маркетинговых и избирательных кампаний, консультированием политиков и бизнес-структур и т. п. На многочисленную армию психологов-практиков приходится лишь два психологических НИИ, что вполне адекватно выражает численное соотношение исследовательского и практического компонентов отечественной психологии. Наблюдается и активная «миграция» в практику психологов-исследователей, которые превращаются, по выражению Д. Полкинхорна, в «близких к практике исследователей» (Polkinhorne, 1994), и сейчас трудно встретить «чистого»

---

³ Следует отметить, что подобные представления об обществе характерны не только для психологических теорий. Например, целый ряд социально-философских концепций трактуют государство как средство защиты чрезмерно агрессивных граждан друг от друга, т. е. как производную от человеческой природы.

академического психолога, который одновременно не занимался бы психологической практикой. Заслуживает внимания и то, что на отечественном рынке психологических услуг традиционный для него товар – психологические ноу-хау и технологии – дополнился нетрадиционным – различными психологическими «изделиями», такими как детекторы лжи, оборудование для психологической разгрузки и др., продажа которых дает куда большую прибыль (в соответствии с общей закономерностью, которая состоит в том, что размер прибыли возрастает в направлении от ноу-хау к промышленным изделиям). Высказана и идея о том, что «нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк, 2003). А эта практика разрослась настолько, что раздаются призывы к ее *теоретическому* осмыслению и упорядочиванию.

В подобных условиях призывать психологию к обретению практической релевантности означало бы ломиться в открытую дверь, ибо такой релевантностью она *уже* обладает. Однако социальная релевантность психологии не эквивалентна ее практической релевантности. Социальная релевантность любой науки включает ее практическую релевантность⁴, но не сводится к ней, далеко выходя за ее пределы. Для обретения наукой практической релевантности достаточно ее активного участия в «малых делах», что характерно для современной отечественной психологии, в то время как социальная релевантность требует вовлеченности в «большие дела».

Б. Адам и Ю. Ван Лун выделяют три основные функции социальных теорий: 1) социальная инженерия (участие в социальном конструировании порядка и контроля), 2) осмысление (прояснение и объяснение) происходящего в обществе, 3) политическая мобилизация (создание основы для политических действий масс) (Adam, Loon Van, 2000). Подобное представление о роли социальных теорий существенно отличается от ее типового восприятия психологами, особенно отечественными, как предназначенных для выполнения преимущественно *когнитивных, а не социальных функций*: объяснения и обобщения эмпирических данных, создания концептуальной основы для эмпирических исследований и т. д.⁵

Не призывая психологов к подготовке социальных революций и другим видам политической мобилизации масс⁶, являющейся третьей функцией социальных теорий в представлении Б. Адама и Ю. Ван Луна, рассмотрим психологическую науку с точки зрения двух других функций, отметив, что их можно трактовать как функции не только собственно психологических *теорий*, но и психологического знания в целом.

---

⁴ Вообще следует отметить, что для социогуманитарной науки, в отличие от естественной и технической, более характерно не столько практическое применение, сколько «социальное разыгрывание» знания в разных, а не только в чисто практических, направлениях.

⁵ В то же время существуют и исключения из этого правила. «О ценности теории можно в конечном итоге судить по ее полезности, которая доказывается результативностью методов воздействия на психологические изменения», – писал А. Бандура (Bandura, 1986, p. 40). Он же подчеркивал, что психологическая наука должна участвовать в «изменении функционирования социальной системы» (Bandura, 1973, p. 323). Более локальные, но тоже достаточно существенные социальные задачи ставил перед психологией Б. Ф. Скиннер – такие, например, как реформу пенитенциарной системы на основе знания о принципах научения, личности и психопатологии (Skinner, 1978).

⁶ Вместе с тем эта функция социальной теории и вообще социогуманитарной науки представляется важной и в «спокойном» обществе, не помышляющем о революциях. В частности, гражданское общество предполагает достаточно высокий уровень политической мобилизации граждан. Важной задачей выглядит и мобилизация нашего общества на его очищение от разнообразной «скверны» в виде криминализации, коррупции, деградации морали, наркомании и т. п., которое, возможно, вскоре станет нашей национальной идеей.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПСИХОЛОГИИ

Осмысление и объяснение процессов, происходящих в обществе, является одной из главных (если не самой главной) функцией любой социальной науки, которую можно назвать ее *мировоззренческой функцией*. Даже если понимать психологию как науку о человеке, а не об обществе, абстрагируясь от таких ее разделов, как социальная психология, политическая психология, этническая психология и др., то и в данном случае она не является исключением, поскольку *образ человека во многом задает образ общества*⁷.

Объяснение происходящего в обществе предполагает создание образа самого общества – как общества в целом, так и того конкретного общества – российского, американского, германского, голландского и др.⁸, – в котором развивается та или иная национальная наука. И если западная психология в этом отношении всегда была достаточно активна (яркий пример – фрейдизм, описание которого входит в учебники социальных теорий), то отечественная психология традиционно скромна в проявлении своего мировоззренческого потенциала.

Так, теории, которыми по праву гордилась советская психология, были разработаны на марксистских основаниях, в целом разделяя представление об обществе, характерное для марксизма, что во многом и обрекло ее на роль «надстроечной» науки. Современная же отечественная психология вообще не может похвастаться общими теориями, вместе со всей нашей социогуманитарной наукой превращаясь в механизм трансляции знания, в том числе и теорий, из западной, преимущественно американской, науки в нашу социальную практику (см.: Юревич, 2004). При этом современные отечественные психологи, не создающие общих теорий, а тем более, не вырабатывающие образов общества, похоже, довольствуются заимствованием образов, сгенерированных другими науками, которые, в результате, транслируются и в психологию. А из всех подобных образов наиболее «прилипчивым» в нашей психологической науке оказался марксистский экономико-центристский образ.

Не пуская запоздалых стрел вслед марксизму⁹, все же уместно напомнить, что он был у нас не только догмой и руководством к действию (да еще к какому!), но и превратился в *стиль*

---

⁷ Подтверждением может служить опыт *всех* социальных наук. В учебниках политологии, например, регулярно отмечается, что все социальные теории можно разделить на две группы в зависимости от лежащего в их основе представления о том, какова природа человека, можно ли ему доверять, а стало быть, какую степень свободы ему можно предоставить. В основе одной группы концепций, восходящей к Т. Гоббсу и Дж. Локку, лежит представление о том, что человек по своей природе агрессивен, стремится монополизировать общественные ресурсы, увеличивать свои выигрыши за счет окружающих и поэтому нуждается в подавлении и контроле со стороны общества, основным инструментом которых служит государство. В основе либеральных теорий общества лежит прямо противоположное представление о человеке (Political psychology, 1986). Среди психологических теорий яркий пример концепции первого типа – теория З. Фрейда, концепций второго типа – теория К. Роджерса. А примером столкновения соответствующих взглядов на природу человека может служить признание К. Роджерса о том, что «когда такой фрейдист, как Карл Меннингер, говорит мне в дискуссии по этому вопросу, что он воспринимает человека как „врожденное зло“ или, более точно, „врожденную деструктивность“, я могу только в изумлении покачать головой» (цит. по: Хелл, Зиглер, 1997, с. 534). При этом идея Роджерса о том, что человек рационален, а «абсурдность многих его поступков, столь очевидная в повседневной жизни (например, убийства, изнасилования, жестокое обращение с детьми, войны), проистекает из того, что человечество пребывает «не в согласии» со своей истинной внутренней природой» (там же, с. 552), выглядит довольно странной.

⁸ Высказывается, например, представителями европейской психологии (см.: Андреева, Богомолова, Петровская, 1978) и представление о том, что образ общества в целом – это абстракция, поскольку любое конкретное общество обладает уникальной спецификой, выражающей его социокультурные особенности, и поэтому, скажем, психологические закономерности, выявленные американскими психологами, нераспространяемы на другие культуры. Не отвергая эту точку зрения, все же трудно отрицать, что имеются и универсальные, надкультурные психологические закономерности, а различные общества имеют надкультурные инварианты. В противном случае сама возможность существования наук об обществе оказалась бы под вопросом.

⁹ Следует подчеркнуть, что парадоксальная участь марксизма в России, о которой писали С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и другие «пассажиры Корабля философов», пострадавшие от превращения этого учения в «руководство к действию», прослеживается и сейчас. Так, например, когда у нас не было никаких антагонистических классов, нас заставляли штудировать учение о классовой борьбе, а теперь, когда наша страна, достигнув рекордных значений децильного индекса (выражающего соотношение доходов 10 % наиболее богатых и 10 % наиболее бедных слоев общества), буквально трещит от классовых противоречий,

мышления с такими ключевыми атрибутами, как деление общества на экономический базис и не слишком существенную надстройку; экономический детерминизм; представление о том, что происходящее в обществе обусловлено, главным образом, экономическими причинами, причем для идеологов наших реформ, формально отвергнувших марксизм, этот стиль мышления характерен ничуть не менее, чем для его правоверных адептов. Продуцируемый таким мышлением образ общества, который М. Рац характеризует как «отрывку марксизма» (Рац, 1997), все еще доминирует и в отечественной социогуманитарной науке, и в нашей социальной практике, что, во-первых, оттесняет такие науки, как психология, на периферию, во-вторых, порождает традиционный результат наших реформ, описываемый формулой: «опять забыли про человека». Как пишет Н. Армистед, «марксизм никогда не уделял должного внимания социальной психологии, рассматривая социально-психологические проблемы как вторичные по отношению к макропроблемам социальной структуры» (*Reconstructing social psychology*, 1974, p. 25). До сих пор сказывается и марксистская традиция делить социальные явления на «объективные» и «субъективные», относя психологические процессы к последним, хотя, казалось бы, что может быть в мире людей более объективного, чем человеческая психология? Кроме того, выстраивание экономико-центристского образа общества осуществляется в рамках другой марксистской традиции нашей общественной науки – игнорирования реальности и ее подмены абстракциями, в результате чего, например, в учебниках экономики описывается экономика, какой она «должна быть», а не реально является в нашем обществе (все теневые явления, такие как бандитские «крыши», тотальная коррупция, повсеместное нарушение законов и др., не рассматриваются вообще или трактуются как временные аномалии), а соответствующий образ общества носит довольно-таки мифический характер.

Этот образ выглядит особенно архаичным на фоне мировых тенденций в развитии экономической науки, таких как ее сближение с психологией, трактовка экономики как *системы экономического поведения людей*, а не изменения курса валют или траектории движения товаров. Психологической науке давно пора предложить новый образ нашего общества, внедрив в массовое сознание понимание важности *макропсихологических* закономерностей его организации и развития, в частности психологических корней социальных революций и других общественных изменений.

В данной связи следует отметить, что и наша история, и изменения, происходившие в России после 1991 г., в отечественной социогуманитарной науке пока не получили сколько-либо удовлетворительного концептуального осмысления (прежнее, марксистское, объяснение «тихо» отвергнуто, а нового не предложено – возможно, дабы не тревожить «тени прошлого» и не привлекать внимания к нашим новым социальным противоречиям). В результате, на тематической карте отечественной социогуманитарной науки образовалось большое «белое пятно», которое рано или поздно будет заполнено, но если это произойдет без участия психологии, новый образ общества тоже будет существенно искажен.

Обозначенный локус социальной ниши психологии охватывает и объяснение социальных процессов, разворачивающихся в нашем обществе сейчас. Соответствующие образы генерируются в основном политиками и идеологами, а психологическая наука вновь находится в стороне от этого процесса, предпочитая изучать более «спокойные» и политически иррелевантные проблемы (политическая психология служит лишь частичным исключением, при этом тоже ограничиваясь частными задачами). В то же время целый ряд важнейших социальных проблем, таких как социальные изменения (Андреева, 2005б), последствия реформ, этниче-

---

о ней заставляют забыть. Заслуживает упоминания и то, что марксистская критика буржуазного общества вполне применима к современному российскому обществу, что неудивительно. Ведь у нас «новое общество» строили преимущественно люди с марксистским стилем мышления, в прежние времена критиковавшие капитализм за его «хищнический», «бесчеловечный» и т. п. характер. Вполне естественно, что, воспринимая капитализм подобным образом, они, придя к власти, именно такой капитализм у нас и построили, ибо другого попросту не знали.

ские конфликты, терроризм, радикализм, дедовщина и др., остро нуждаются в психологическом изучении. Нуждается в нем и, возможно, ключевой для любого общества вопрос – о том, *какое соотношение свободы и ее ограничений оно может себе позволить*. Да и такие глобальные ориентиры развития нашей страны, как построение «экономики знаний», предполагают основательную психологическую проработку на предмет их реалистичности в обществе, где не сформирована «инновационная психология» (см.: Юревич, Цапенко, 2001).

Вообще следует подчеркнуть, что оценки происходящему в нашем обществе даются преимущественно в экономических и политических терминах, в то время как немаловажную роль играют и его социально-психологические изменения. В частности, когда подводятся какие-либо итоги реформ и ставится вопрос о том, лучше или хуже мы стали жить за последние годы, то используются преимущественно экономические критерии сравнения. Не отрицая важности этих критериев, следует подчеркнуть, что главная цель любых реформ – не повышение экономических показателей самих по себе, а улучшение жизни населения. Одним из важнейших индикаторов этого улучшения служит *удовлетворенность* населения результатами реформ, формирующаяся под влиянием не только экономических, но и целого ряда социальных и психологических факторов.

Здесь уместно обратиться к теории А. Маслоу, выделившему пять уровней потребностей человека: 1) физиологические потребности, 2) потребности безопасности, 3) потребности принадлежности и любви, 4) потребности самоуважения, 5) потребности самоактуализации. Он высказал предположение о том, что в современном западном обществе физиологические потребности удовлетворяются примерно на 85 %, потребности в безопасности и защите – на 70 %, в любви и принадлежности – на 50 %, в самоуважении – на 40 %, в самоактуализации – на 10 % (Maslow, 1970). Оценивая степень удовлетворения двух первых уровней человеческих потребностей в современном российском обществе, можно предположить, что физиологические потребности удовлетворены примерно у 60 % населения (т. е. у всех, за исключением тех, кто живет за чертой бедности), а потребность в защите и безопасности – не более чем у 5 % (т. е. только у тех, кто живет за высокими заборами под защитой личных охранников). Подавляющая же часть наших сограждан сейчас *не защищена* – не только социально, но и физически, что не может не сказываться на их психологическом состоянии и удовлетворенности реформами.

Практически все основные *ориентиры и цели развития нашего общества* – удвоение ВВП, снижение инфляции, укрепление национальной валюты и т. п. – тоже носят преимущественно экономический характер. Было бы абсурдным отрицать значимость экономических показателей, но они нуждаются, как минимум, в дополнении другими индикаторами благополучности общества, такими как динамика численности населения, рождаемости, смертности и др. Можно ли считать благополучным общество, в котором ВВП и другие экономические показатели растут, а численность населения ежегодно сокращается? – вопрос, наверное, риторический. Первостепенное значение должен иметь и такой комплексный показатель, как *психологическое здоровье населения*, учитывающий статистику самоубийств, психических расстройств, эмиграции, преступлений, браков и разводов. Еще один риторический вопрос: можно ли считать успешно развивающейся страну, население которой *не хочет жить* (обратимся к удручающей статистике самоубийств) или, по крайней мере, не хочет жить *в этой стране* (о чем свидетельствует статистика эмиграции)? Тем не менее, во всех подобных случаях мы демонстрируем «упертость в экономику» (Рац, 1997), игнорируя социальные и психологические показатели состояния общества, т. е. проявляем, причем не в теории, а на практике, не просто экономический детерминизм, а экономический кретинизм, не желая видеть в обществе ничего, кроме его экономики.

Одна из важнейших мировоззренческих задач психологии – «психологизировать» экономико-центристский образ нашего общества и ориентиров его развития, проявив свою социальную релевантность в этом, возможно, самом «большом деле». Создание образа общества имеет

и важную *социально-конструктивистскую* составляющую, ибо от этого во многом зависит, какое общество мы построим (вспомним теорему Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям», контрастирующую с марксистской дихотомией «объективного» и «субъективного»). Трудно не согласиться с Ф. Томасом и в том, что одной из важнейших функций социальной науки является создание образов будущего, которые призваны направлять социальные инновации (Прогнозное социальное проектирование, 1994). А. С. Московичи подчеркивал, что психологическая наука должна критиковать и преобразовывать существующий социальный порядок, выявлять возможности улучшения общества, писал, что «социальная психология ... должна повернуться к реальности, участвовать в социальных экспериментах и в установлении новых социальных отношений» (Moscovisi, 1972, p. 64), в том числе и в выработке конструктивных альтернатив существующему социальному порядку.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Данная социальная функция психологии¹⁰ соотносима с тем, что Б. Адам и Ю. Ван Лун называют социальной инженерией, или участием науки в социальном конструировании порядка и контроля.

Хотя само понятие «социальная практика» не получило в психологической науке широкого распространения, она имеет непосредственное отношение к их изучению и конструированию. Как пишет Э. Гидденс, «предметом социальных наук... являются социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени» (Giddens, 1984, p. 2), и психология – не исключение. В частности, социальные системы, являющиеся главными «единицами» организации общества, в свою очередь, конституируются социальными практиками, представляющими собой различные формы взаимозависимости субъекта действия и группы (там же). Нетрудно заметить, что, например, определения предмета социальной психологии (Краткий психологический словарь, 1985; и др.) выглядят очень близкими такому пониманию социальных практик, которые, соответственно, тесно связаны с предметом психологической науки.

Социальные практики актуальны для психологии и как предмет изучения, и как объект практического воздействия, минимальным вариантом которого является встраивание психологического знания в соответствующие практики, максимальным – их реорганизация на его основе. Например, если принимаемые на работу проходят собеседование с психологом, можно говорить о том, что психолог, а следовательно, и психологическое знание, встроены в соответствующую социальную практику. Если же прием на работу всецело определяется, скажем, результатами психологического тестирования, то эта психологическая процедура является краеугольным камнем данной социальной практики, реорганизованной («ре-» потому, что так было не всегда) на психологической основе.

Психология в современном обществе, в том числе и в нашем, российском, достаточно заметна в обоих качествах, особенно преуспевая в плане *встраивания* в социальные практики. Психологи инкорпорированы в деятельность различных организаций, участвуя в отборе (рекрутменте) их персонала, его оценке (ассессменте), обучении и др., а также в другие виды социальных практик, таких как педагогическая, терапевтическая и т. д., а область социальных практик, отмеченных участием психологов, постоянно расширяется. Отрадной тенденцией является и то, что включение психолога во многие социальные практики становится *нормативным*, а, скажем, школа или солидная коммерческая фирма, где нет психолога, выглядят как аномалии.

Вместе с тем, при всем уважении к социальным практикам, в которые включены психологи, трудно не заметить, что и здесь проявляется дихотомия «больших» и «малых дел»: в наиболее важных социальных практиках, таких как выработка программ государственного развития или принятие новых законов, психологи пока не участвуют. В результате потенциальные возможности психологии и в данном плане оказываются существенно ограниченными сложившимися в нашем обществе традициями.

Яркий пример отсутствия психологии в социальной нише, в которой она должна присутствовать, – *организация различных видов профессиональной деятельности*. Любая подобная деятельность предполагает создание соответствующей мотивации, распределение функций между ее участниками, поощрение профессиональных успехов, санкции за просчеты и недостаточную эффективность, т. е. целый комплекс задач, имеющих очень существенную психологическую составляющую, но при этом, как правило, решаемых без участия психологов – на основе здравого смысла (или его отсутствия) и сложившихся традиций. В результате в

---

¹⁰ Вообще, о социальных функциях социогуманитарной науки см. Юревич, 2004.

организацию различных видов профессиональной деятельности часто закладываются психологически безграмотные решения, что существенно ее ухудшает. Характерной иллюстрацией может служить формирование мотивации с опорой на расхожие стереотипы, противоречащие психологическим закономерностям. Скажем, в быту широко распространен стереотип «чем выше мотивация, тем лучше», противоречащий хорошо известному в психологии закону оптимума мотивации, по достижении которого дальнейшее повышение мотивации снижает эффективность деятельности. В психологических исследованиях также установлено, что мотивация нарастает с ростом внешнего подкрепления не линейно, а в соответствии с U-образной кривой («эффект обратной мотивации»), что тоже, как правило, не учитывается традиционными способами организации различных видов профессиональной деятельности. Т. е. их грамотная организация требует учета целого ряда психологических закономерностей, которые пока не ассимилированы соответствующими социальными практиками.

Довольно нелепо – и с социальной, и с психологической точки зрения – сейчас выглядят и наши социальные практики, из которых в процессе реформ были изъяты важные элементы. Например, педагогическая практика, одним из краеугольных камней которой традиционно был принцип единства обучения и воспитания, имевший весьма тривиальный и отточенный историей человечества смысл: мало вкладывать в детей знания, надо еще и развивать их нравственные качества. Захлестнувшая нас либеральная волна смыла вторую часть этого тезиса, потопив ее в таких формулах, как «можно все, что не запрещено законом» (следовательно, мораль вообще не нужна), «рынок сам расставит все по своим местам» и т. п. И расставил, в результате чего у нас наблюдается криминализация всей общественной жизни; в иерархии профессий, характерной для молодого поколения, проститутка оказалась намного выше ученого; молодые люди принципиально не уступают старушкам места в общественном транспорте и т. п., в общем, происходит то, что Э. Гидденс назвал «испарением моральности» (Giddens, 1984). Все эти характерные для современной России явления имеют общую причину – отсутствие какой-либо системы воспитания и морального контроля, канувшей в лету вместе с выполнявшими эту функцию партийной, пионерской и комсомольской организациями. А надежды на то, что закона самого по себе достаточно в качестве механизма регуляции социального поведения (это при нашем-то отношении к законам!), или на то, что он будет дополнен внутрличностными самоограничениями (на которых, собственно, и основана западная цивилизация), оказались утопичными. В результате мы стоим перед разбитым корытом совершенно разрушенной системы воспитания, на обломках которой произрастают такие культивируемые нашими СМИ и органически дополняемые образами «хороших» бандитов варианты национальной идеи, как «купи и выиграй», «открой бутылку и выиграй», «укради и не попадись», а то и просто «укради»¹¹, воспитательное влияние которых тоже не следует недооценивать. В этих условиях одна из главных задач психологии – показать нашему обществу, что оно не может обойтись без системы воспитания, которую нельзя заменить ни патриотической патетикой, ни псевдолиберальным анархизмом. Очевидны и практические возможности психологии в восстановлении данной социальной практики, например, путем создания системы выработки моральных качеств с помощью не морализаторства, а куда более эффективных психотренингов (см.: Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004; и др.).

Особого упоминания заслуживает и юридическая практика как создающая основу для социальной регуляции поведения человека и отношений в обществе. У нас считается, что разработка законов – дело юристов, в чем еще есть какая-то логика, и политиков, в чем логики нет, но политики вмешиваются у нас в любое дело. При этом совершенно не учитывается тот про-

---

¹¹ Куда более оригинальным, хотя тоже симптоматичным, вариантом нашей национальной идеи стала всерьез обсуждавшаяся в одной из телепередач идея всеобщего похудания населения России: дескать, мы слишком толстые, и от этого все наши беды, а как только похудеем, все у нас будет замечательно.

стой, очевидный факт, что юридические законы – не просто формальные правила поведения граждан, но и основные принципы взаимоотношений между ними, которые, должны, во-первых, выражать некоторую социальную необходимость, во-вторых, быть эффективными регуляторами человеческого поведения. Это предполагает их социологическую и психологическую продуманность, которой они не могут обладать, когда социологи и психологи не принимают участия в их разработке. В результате, хотя, конечно, не только по этой причине, визитными карточками нашего общества стали такие явления, как «вредный», т. е. социально нецелесообразный, или «не работающий», т. е. не выполняющий своих регулятивных функций, закон, а соответствующая социальная практика выглядит как образец социологической и психологической безграмотности.

Подобных примеров можно привести столько же, сколько социальных практик существует в нашем обществе, т. е. бесчисленное множество, поскольку, во-первых, любая социальная практика требует участия психологии, во-вторых, как правило, организована без нее. Наиболее же оптимальным вариантом участия психологии в конструировании этих практик является не только ее встраивание в их организацию, т. е. включение в них психологов и использование отдельных элементов психологического знания, но и их реорганизация на психологической основе, т. е. построение их оснований на базе психологических закономерностей.

Сказанное можно суммировать в следующих основных выводах.

1 «Заметность» той или иной социогуманитарной науки в обществе и ее место в иерархии социогуманитарных дисциплин пропорциональны ее социальной релевантности – мере участия в обсуждении и решении глобальных социальных проблем.

2 Психология, несмотря на свою высокую социальную востребованность и практическую релевантность, в нашем обществе и в отечественной иерархии социогуманитарных наук занимает довольно скромное место, что во многом объясняется ее невысокой социальной релевантностью – участием преимущественно в «малых», а не в «больших делах».

3 Вместе с тем психология обладает большим потенциалом повышения социальной релевантности, основными направлениями которого являются выполнение ею мировоззренческой и конструкционистской функций – создание образов общества и происходящего в нем, а также конструирование социальных практик.

4 Повышение социальной релевантности психологии предполагает расширение ее социальной ниши и ее проблематики, в частности добавление к традиционным объектам психологического изучения, которыми являются психические процессы, личность и группа, еще одного объекта – *общества в целом*, а *макропсихология*, изучающая этот объект, представляется одним из наиболее перспективных направлений психологического исследования и применения психологических знаний.

5 Повышение социальной релевантности психологии и расширение ее социальной ниши, для которых имеются все предпосылки, позволят ей занять более заметное место в нашем обществе и подняться в иерархии социогуманитарных наук, превратившись из «надстроечной» в одну из «базисных» дисциплин.

Глава 2

ПСИХОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МАКРОПСИХОЛОГИИ

Макропсихология – это новое направление в психологической науке, предполагающее проведение качественно-количественных исследований по выявлению психологических характеристик общества и на основе полученных результатов предлагающее конкретные практические рекомендации по его оптимизации (Юревич, 2006; Юревич, Ушаков, Цапенко, в печати). Думается, что научная разработка проблем данного направления весьма актуальна, так как будущие результаты дадут возможность увидеть перспективы российского общества, проанализировать его психологические возможности и вскрыть факторы, формирующие наши «болевые точки» и разработать рекомендации по «психологическому» выздоровлению общества.

Представляется, что наиболее близкими к макропсихологическому изучению общества являются исследования по этнической психологии, посвященные изучению больших групп. Относительно легче проводить исследования по выявлению психологического состояния общества в моноэтнических государствах. Однако подавляющее количество стран являются полиэтническими. Тем не менее, для выработки теоретико-методологических подходов к исследованию макропсихологического состояния общества целесообразно рассмотреть некоторые научно-исследовательские проблемы и методический инструментарий, используемые в этнической психологии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Как на Западе, так и в России проводятся многочисленные исследования по этнической (в России и странах СНГ) и кросс-культурной психологии (на Западе). Методологическим вопросам кросс-культурной психологии посвящено достаточно много статей (Kagitcibasi, Poortinga, 2000; Keller, Greenfield, 2000; Vijver, Leung, 2000). Вместе с тем методологических и теоретических работ, связанных с обобщением эмпирических исследований и выдвижением новых концепций по этнической и кросс-культурной психологии, явно недостаточно. Такую ситуацию в данном научном направлении фиксируют исследователи из разных стран. Голландский ученый Ф. Виджвер и его коллега из Гонг-Конга К. Лунг, подтверждая высказанное мнение, указывают на две тенденции в развитии кросс-культурной психологии. Первая предполагает переход от описаний результатов исследований к объяснению кросс-культурных различий, которые имеют смысловое значение для целей исследования. Другая тенденция сводится к использованию развивающихся статистических технологий в эмпирических исследованиях, с применением существующих в психологической науке теоретических подходов (Vijver, Leung, 2002).

Этносы в большинстве случаев относительно более однородны по сравнению с обществом. Вместе с тем Л. Н. Гумилев отмечал, что большие этносы (суперэтносы) включают в себя многочисленные этносы и субэтносы (народности). С психологических позиций названные выше этнические общности имеют как общие психологические характеристики, так и отличия¹².

Природа этнопсихологического облика народов. Кратко рассмотрим системный анализ условий, формирующих психологический облик этносов.

Используя термин «природа этнопсихологических характеристик», мы имеем в виду факторы, условия или детерминанты, формирующие этнопсихологический облик народа. Развивая системный подход Б. Ф. Ломова, Д. Н. Завалишина и В. Н. Барабанщиков указывают, что он базируется на динамичности, нелинейности и опосредованности детерминационных процессов (Завалишина, Барабанщиков, 1990).

Применительно к этносу *динамичность* проявляется в его «открытости» к различным воздействиям (экономическим, политическим, социальным, идеологическим и пр.) и готовности к «самоорганизации» как системы.

Нелинейность проявляется в том, что системный подход выражается как в отказе от объяснения изменений этнопсихологических характеристик народа влиянием только одной-единственной детерминанты, так и в поиске поликаузальности появления этнопсихологических явлений. Промежуточное накопление результатов постепенно может превращаться в некую каузальную причинную необходимость. «Нелинейность детерминации» – это отказ от понимания связи «причина – следствие» как непосредственной, близкой по времени проявления. Б. Ф. Ломов говорит о кумулятивной причине, предполагающей усиление «промежуточно накопленных факторов», увеличение некоторой критической массы изменений, чтобы каузальное отношение «сработало» (Завалишина, Барабанщиков, 1990).

Данное замечание очень важно применительно к изучению психологического состояния общества. Негативные психические проявления, накапливаемые в течение длительного вре-

---

¹² К примеру, славяне, как суперэтнос, могут быть западными и восточными. Русские, являясь этносом, включают в себя русских, традиционно проживающих в северо-западной, северо-восточной и центральной Европейской части России. Кроме того, часть русских, проживающих на Юге России, называют себя казаками (донскими, кубанскими и терскими). Русские, проживающие на севере, относят себя к поморам, а в Сибири – к сибирякам.

мени среди определенных слоев общества, потом могут «внезапно» для руководства страны проявиться как неожиданный эксцесс.

Объяснить природу этнопсихологических явлений с позиций линейного детерминизма часто не представляется возможным. Поэтому к объяснению появления тех или иных особенностей в психологическом облике этноса целесообразно подойти с позиций системной детерминации. «В различных обстоятельствах и на разных этапах психического развития соотношение и функции этих детерминант изменяются» (Ломов, 1990, с. 16).

Опосредованность системной детерминации в этнической психологии может проявляться в том, что в процессе воздействия основная детерминанта, например, может привести к возникновению других причин, которые, в свою очередь, обусловят реальные изменения в этническом образе жизни народов, будут способствовать появлению новых этнопсихологических характеристик. Примером этому могут служить события в нашей стране после 1991 г. Рыночные отношения, установленные бывшим президентом России Б. Н. Ельциным и его командой, привели к разрушению старой и созданию новой воспитательной системы, которая сформировала у основной массы молодежи рыночные ценности и индивидуализм (по сравнению с их родителями, дедушками и бабушками).

Психологическое своеобразие формируется в течение длительного периода времени. «Психическое развитие характеризуется движением оснований, сменностью детерминант, возникновением новых свойств или качеств, преобразованием структуры целостности и т. п.» (Барабанщиков, 2003, с. 31). Любой результат психического развития этноса объясняется совокупной детерминацией, в дальнейшем превращающейся во внутренний фактор (опосредующее звено), который, в свою очередь, трансформирует новые воздействия на этнос. Формируется ситуация, обеспечивающая возможность перехода психического развития этноса на новую ступень. Исходя из этого, можно предположить, что психическое развитие этноса характеризуется «системой детерминант», которая непрерывно доопределяется в самом процессе и поэтому не всегда может быть предсказана полностью.

Системный взгляд на детерминацию этнической психики можно свести к следующему. Детерминанты могут выполнять функции причин, следствий внешних и внутренних факторов, условий, предпосылок и опосредующих звеньев; они связаны между собой и образуют систему. Взаимоотношения между детерминантами подвижны:

в одних случаях они являются предпосылками, в других – следствиями, в третьих – опосредующим звеном и пр. (точное проявление системной детерминации зависит от конкретных условий). Смена детерминант носит закономерный характер и является необходимым условием развития психики этноса. Включаясь в систему объективных связей и отношений действительности, психические явления (как форма активности субъекта) сами в дальнейшем выступают в роли важнейшей детерминанты в жизнедеятельности (как природных, так и жизненных процессов) (Ломов, 1984; Барабанщиков, 2003).

Все детерминанты, как правило, действуют в едином неразрывном комплексе (иногда последовательно, а иногда одновременно), в связи с чем порой трудно дифференцировать взаимосвязи между воздействием каждого фактора и его результатом в этнопсихологическом облике народа. Вместе с тем, несмотря на указанные трудности, многие этнические психологи прослеживают эти взаимосвязи (особенно при исследовании конкретных этносов) (Платонов, Поче-бут, 1993; Павленко, Таглин, 1993; Гумилев, 1994; Страноведение арабских стран, 2001).

В целом этнопсихологические особенности обуславливаются базовыми системами детерминант. К ним относятся природно-географические условия, распространенные в стране виды производственной деятельности, религия, история, культура, идеология и другие факторы.

Рассмотрение природы этнопсихологических характеристик базируется на системном подходе, впервые обоснованном Б. Ф. Ломовым (Ломов, 1984). Этнос всегда «открыт» к раз-

личным воздействиям (экономическим, политическим, социальным, идеологическим и пр.) и готов к «самоорганизации» как системы.

Вместе с тем представляется достаточно трудным определить вес каждого фактора в иерархии причин, формирующих конкретные этнопсихологические особенности. В психологическом облике народа соединяются воедино этнические, религиозные, моральные и другие психологические особенности. Трудно, а порой и невозможно провести границу между названными психическими образованиями.

При анализе природы этнопсихологических явлений можно сделать вывод, что в детерминации этнопсихологических феноменов в гораздо большей степени просматривается поликаузальность, чем линейный детерминизм. Причем факторы могут действовать как последовательно, так и одновременно. В отдельных ситуациях они могут действовать кумулятивно, а иногда и уравнивать друг друга. Это создает большие трудности при анализе природы появления этнопсихологических особенностей среди этнофоров. Встречающиеся трудности психологического анализа достаточно часто связаны с разделением во времени причин и следствий формирования этнопсихологических характеристик. Причем «отдаленность» воздействующих факторов от появления обусловленных ими конкретных этнопсихологических характеристик во времени может быть весьма большой. Для объяснения природы появления этнопсихологических особенностей у конкретных народов желательно использовать анализ на макро- и мезоуровнях.

Концептуальные представления о структуре психологического облика этноса. В этнической психологии используются такие понятия, как «этнопсихологические характеристики», «этнические авто- и гетеростереотипы», «этнопсихологические особенности», «этнопсихологическое своеобразие», «национальный характер» и пр. Используются также понятия «культурологические представления», «этнопсихологические представления» и пр. С одной стороны, названные термины являются устоявшимися и правомерными, а с другой стороны, их содержание не зафиксировано (отсутствуют конкретные этнопсихологические признаки), не показывается объем информативных признаков (их может быть большое или малое количество) и, последнее, не фиксируется целостность описываемого феномена (как системообразующего явления).

Наиболее полно представление о психике как структурно организованной иерархической системе дано в работах В. М. Русалова, Б. Ф. Ломова, В. А. Ганзена, В. А. Барabanщикова и В. А. Кольцовой.

Потребности науки и особенно практики требуют достаточно полных и развернутых этнопсихологических описаний народов. В этом плане понятия «этнопсихологические характеристики», «этнопсихологические особенности», «этнопсихологическое своеобразие» и др. являются, по сути, неконкретными и размытыми. Для того чтобы преодолеть названные недостатки, для использования предлагается рабоче-операциональное понятие «психологический облик этноса» (или «этнопсихологический облик изучаемого народа»). Понятие «облик», во-первых, имманентно содержит целостную совокупность (сочетание) черт, свойств и других конкретных составляющих (признаков), характеризующих этническую группу; во-вторых, оно предполагает определенную системность расположения признаков, входящих в описание «этнопсихологического облика»; в-третьих, рассматриваемое понятие достаточно структурированное, в-четвертых, оно является операционализированным, в связи с чем его можно использовать в эмпирических исследованиях по выявлению психологических компонентов изучаемых этносов; в-пятых, в нем подчеркивается субъект носителя этнической психики (этническая общность); в-шестых, разнообразные показатели данного понятия дают возможность качественно-количественно выявлять, измерять и сравнивать проявления тех или иных психологических характеристик среди различных этносов и, в-седьмых, «этнопсихологический облик» любого народа, как правило, является достаточно осознанным.

Термины «психологический облик этноса» и «этнопсихологический облик народа», по нашему представлению, являются, по сути, очень близкими, в связи с чем могут быть в отдельных случаях взаимозаменяемыми и включены в синонимический ряд в этнопсихологической науке.

В. М. Русалов писал, что, согласно системному подходу, явление считается понятым в том случае, если найдена его структура. Поиск структуры (подсистем) включает выявление наиболее информативных признаков и нахождение четких критериев оценки каждого уровня и каждой подструктуры. «Наиболее распространенным принципом, лежащим в основе выделения уровней как подсистем, является, как известно, функциональный принцип. Согласно этому принципу, уровень – это такая совокупность признаков (или органов), которые объединены одной и той же частной, обособленной функциональной целью для достижения общей конечной цели системы» (Русалов, 1979, с. 23).

С теоретических позиций структура психологического облика этноса является фундаментальной проблемой. Трудность ее исследования заключается, во-первых, в анализе и обобщении многочисленных разнопорядковых и часто разрозненных эмпирических этнопсихологических данных и, во-вторых, в их представлении в виде целостной системы. Слабостью многих прошлых предлагаемых моделей структур этнопсихологических характеристик является, во-первых, их одномерность и, во-вторых, зачастую рядоположенность различных составляющих.

Предлагаемая теоретическая парадигма структуры названного феномена основывается на том допущении, что психические явления, как правило, являются многомерными и иерархически организованными системами. Нам представляется, что структуру этнопсихологического облика можно рассматривать как макросистему (полисистему), состоящую из 3-х уровней (подсистем):

верхний – аксиологический, т. е. ценностный (ценностные ориентации), средний – уровень отношений и низший – уровень проявления психических процессов, состояний и свойств (Резников, Товуу, 2002). Верхний уровень включает ценностные ориентации, которые исследуются социологией и социальной психологией (его можно назвать аксиологическим, или уровнем ценностных ориентаций). Средний уровень исследуется социальной психологией, и он может быть назван уровнем отношений. Низший уровень является общепсихологическим. Как видно из названия каждого уровня, в основу его выделения положен системообразующий фактор – система взаимосвязанных психологических критериев. По представлению П. К. Анохина (Анохин, 1975) и В. П. Кузьмина (Кузьмин, 1983), каждый уровень предполагает объединение в целостную функционально-динамическую подсистему, включающую различные элементы и механизмы, стремящиеся в конечном итоге реализовать общую цель системы (ее стабильное функционирование).

Все три уровня этнопсихологических характеристик взаимосвязаны между собой. Существующие между ними взаимосвязи проявляются в форме подчинения и взаимодействия. «Основным критерием места подсистемы (уровня) в иерархии является ее вклад в конечную приспособительную цель системы» (Русалов, 1979, с. 25). Каждый уровень этнопсихологических характеристик, в свою очередь, может быть рассмотрен как подсистема (микросистема), состоящая из элементов, которые определенным образом взаимосвязаны между собой. Элементы подсистем также включают в себя более мелкие структурные этнопсихологические образования.

В свою очередь, смена ценностных ориентаций в одном и том же этносе, но с другим общественно-экономическом строем, совместно с изменением отношений, оказывают воздействие на развитие эмоциональной, волевой и познавательной сфер психики и могут влиять (видоизменять) на проявления национального темперамента.

Изложенное наглядно видно на примере нашей страны. Существовавшие до 1991 г. в нашем обществе ценностные ориентации были социалистическими. Они задавались сверху руководством КПСС. Эти ценности влияли на уровень отношений представителей различных этносов к разнообразным аспектам жизнедеятельности. Например, «коллективизм» как культивируемая ценность влиял на отношения людей друг к другу. Влияние ценностного уровня на отношения убедительно видно и на другом примере. Получение среднего образования было обязательным; высшее образование являлось одной из важных и престижных ценностей-целей. Старательное отношение к учебе и получение знаний развивало познавательные возможности всех этносов, проживавших в СССР.

Общепсихологический уровень (познавательная, эмоциональная и волевая сферы психики, совместно с темпераментом), в свою очередь, оказывает влияние на вышележащий уровень – отношения данного этноса к различным аспектам жизнедеятельности. Отношения постоянно осмысливаются через познавательные возможности этноса. В зависимости от ситуации в стране и интеллектуального потенциала народа отношения представителей этноса к различным сторонам его жизнедеятельности периодически пересматриваются и видоизменяются. Эмоционально-волевые особенности регулируют степень выраженности разнообразных отношений.

Уровень отношений (пересмотренные отношения) оказывает влияние на распространенные в стране ценностные ориентации и периодически способствует замене старых ценностей на новые, а также перестраивает их иерархию.

Таким образом, можно сказать, что многоуровневая система этнопсихологических характеристик предполагает относительную автономию каждого уровня и определенную их соподчиненность и взаимозависимость. Вместе с тем целесообразно подчеркнуть мысль, что детерминация изменений психологических характеристик каждого уровня может обуславливаться многими факторами.

При смене политического строя изменения психологических характеристик этноса, как правило, осуществляются сверху. Господствующая элита из политических, военных, экономических, религиозных и профессиональных групп укрепляет выгодные ей групповые ценности и стремится их распространить (или даже навязать) всем социальным слоям этноса в качестве общенациональных. Это выражается в замене старых ценностных ориентаций (особенно ценностей-целей) на новые, которые выгодны ей. В то же время предпосылки изменений накапливаются на среднем уровне этнопсихологических характеристик. Это выражается в том, что критически пересматриваются основные отношения (к руководству страны, материальным ценностям, оплате труда, самооценке и др.). Вместе с тем низший уровень этнопсихологических характеристик (когнитивные, эмоциональные и волевые процессы) влияет на осмысливание ситуации в стране и принятие решений о пересмотре различных отношений и о возможной замене функционирующих среди этнофоров ценностей (об этом говорит интеллектуальный состав политической элиты в России в 1991 г., в которой было достаточно большое количество профессоров).

Выделение трех уровней в этнопсихологическом облике позволяет, во-первых, системно описать психологические компоненты, входящие в них позиции и элементы каждого уровня; во-вторых, проанализировать уровни как организованные целостности и, в-третьих, определить место и роль каждого уровня в иерархической системе, установить взаимосвязи и взаимозависимости между ними. Вместе с тем необходимо заметить, что взаимосвязи между этнопсихологическими составляющими уровней неоднозначны, часто трудно прослеживаемы, характеризуются большой динамичностью, что представляет огромные трудности для их исследования. Особенно трудно анализируются взаимосвязи между различными уровнями.

Наличие в структуре этнопсихологического облика трех, а не четырех-пяти уровней далеко не бесспорно. Судя по качествам, которые исследователи выделяют в эмпирических

и прикладных работах, в принципе можно рассматривать и четвертый уровень – психофизиологический. Интересны и перспективны исследования ученых Института генетики РАН по определению биохимических маркеров генов у народов двух групп коми. Полученные результаты свидетельствуют о европеоидном (в основном) характере генофонда народов коми и дают возможность определить генетическое положение коми в системе народов Евразии (Шнейдер, Петрищев, Лебедева, 1990). Таким образом, можно сказать, что в принципе существует и генетический уровень этнопсихологических характеристик народов.

Каждый уровень этнопсихологических характеристик может иметь разное количество составляющих (компонентов). В свою очередь, разные компоненты могут иметь различное количество позиций (к примеру, межличностные отношения среди этнофоров различаются на работе и в быту). Компоненты, как составляющие одного из уровней этнопсихологического облика, также могут дифференцироваться.

Как подчеркивает В. А. Барабанщиков, Б. Ф. Ломов считал, что в итоге системного анализа психологического познания появляются представления об уровнях исследования человека и психики. «На предельно высоком уровне человек рассматривается в системе общественных отношений и изучается как личность или относительно самостоятельная общность людей. ... Это основной уровень „работы“ социальной психологии, который связывает психологическую науку с общественными дисциплинами. На нижележащем уровне человек, личность, изучаются с точки зрения собственных свойств, структуры и динамики, в контексте деятельности, непосредственного общения и поведения. ... Еще более низкий уровень предполагает изучение процессов и состояний человека: его восприятия, мышления, памяти, эмоций и т. д., которые образуют ядро общей психологии. ... Наконец, самый низкий уровень фиксирует „нишу“ исследований нейродинамики, или физиологического обеспечения психических процессов, и связывает психологическую науку с нейрофизиологией и комплексом наук биологического цикла» (Барабанщиков, 2002, с. 32).

Таким образом, применительно к рассматриваемой структуре этнопсихологического облика, исследованием ценностных ориентаций этноса (первого уровня этнопсихологического облика) занимаются социальная психология и социология. Исследованием среднего уровня (отношений, особенностей поведения и деятельности) занимается социальная психология. Низший уровень (психические процессы, состояния и свойства) исследуют общая психология и в меньшей степени – социальная психология (национальное чувство, общественные настроения и пр.).

Функции этнопсихологических явлений. Под функцией этнической психологии понимается ее роль, значение (предназначение) в жизни этнической общности. Теоретико-методологический анализ функций этнической психологии дает возможность прогнозировать последствия проявления национально-психологических феноменов, что весьма важно в практической деятельности этнофоров и в межатническом общении.

Ранее проведенные исследования позволяют выделить три взаимосвязанные функции этнической психологии: отражательная, регулятивная и социализирующая (воспитательная) (Резников, 2005). Последовательно рассмотрим их.

Отражательная функция. Теоретико-методологический анализ отражательной функции этнической психологии базируется на принципе детерминизма. Ее анализ может рассматриваться в двух планах.

Во-первых, этнопсихологические особенности являются результатом воздействия системы детерминант. Эти факторы «работают» в едином комплексе. Отдельные условия в определенные периоды истории выдвигаются на первое место, но ведущими, как правило, остаются социально-экономические. Отражательная сторона этнопсихологических особенностей включает в себя результат воздействия многих условий.

Во-вторых, отражательная функция этнической психологии проявляется в том, что этно-психологические особенности реализуются в результатах труда этнофоров и в особенностях поведения и деятельности, которую они выполняют. По-видимому, здесь правомерно говорить о многоступенчатом отражении. Некоторые исследователи полагают, что в этом может проявляться взаимовлияние этнопсихологических феноменов.

И. Альтман и его коллеги установили, что внутренняя отделка и мебель в домах североамериканцев среднего класса на окраинах символизирует желание владельцев дифференцировать себя от других. Что же касается интерьера и мебели в домах представителей среднего класса в индийских, японских и мексиканских этносах, то они выражают общинное желание присоединения друг к другу, стремление к внутреннему контакту и групповой идентичности (Werner, Altman, Axley, 1985).

Таким образом, можно сказать, что этнопсихологические особенности народов влияют на формирование своеобразия искусственной среды, в которой отражаются коллективистские и индивидуалистские характеристики, т. е. обуславливают (детерминируют) своеобразие созданной этнофорами среды.

Регулятивная функция. Каждый этнос имеет свой неповторимый психологический облик, в его жизнедеятельности и образе жизни имеется своеобразие. При воспроизводстве этой уникальности основная роль принадлежит этническим регуляторам. В широком смысле этнические регуляторы включают традиции, обряды, обычаи и другие образования. Можно сказать, что они пронизывают все стороны жизнедеятельности народа. С этнопсихологических позиций регуляторы этнического поведения, общения и деятельности представляют собой социальные нормы, которые выработала этническая общность за время своего существования (Шихирев, 1999). В этом плане глубоко прав О. Г. Дробницкий, сказавший о том, что в историческом плане среди этносов происходит стихийно-массовый процесс «опытно-практического нахождения, отбора и закрепления определенных форм поведения в общепринятые образцы и обязательные нормы. Этот процесс иногда совершается на протяжении жизни многих поколений и обычно таким образом, что никто из его участников не осознает и не делает для себя целью нормотворчество» (Дробницкий, 1974, с. 200).

Этнопсихологические нормы – это исторически сформировавшиеся предписания и рекомендации по регуляции поведения, общения и деятельности представителей этноса в различных жизненных ситуациях, отражающие своеобразие его национального образа жизни. Этнопсихологическая норма является одним из элементов содержания коллективной психики народа, отражающим организацию его жизненного уклада.

Этнопсихологические регуляторы рекомендуют этнофорам в различных ситуациях использовать наработанные этнической общностью алгоритмы общения и деятельности. Их упорядочивание обуславливалось объективной потребностью развития этнической общности, воспроизводства общественной и личной жизни. Таким образом, можно сказать, что жизнь в этносах исторически организовывалась и организуется под влиянием традиций, обычаев и других психологически этнических форм социального поведения, взаимодействия и деятельности, играющих роль регуляторов поведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.